

ПАМЯТИ АКТЕРА

В. Р. Ольховский

Кумач и креп, чередуясь, закрывают арку над главным подъездом Малого театра. Бронзовый Островский смотрит хмуро, сосредоточенно. У памятника группа людей — преобладает молодежь. Ждут. Людской массив увеличивается, переливаясь на солнце яркими цветами женских блузок. Со стороны Петровки показывается медленно движущийся погребальный кортеж — грузовик с гробом, за ним змейка черных автомобилей с провожающими.

Товарищи и друзья вносят тело артиста Ольховского в театр.

16 лет назад в театре Пролеткульта в Рыбинске состоялся сбор труппы. В первый раз встретились актеры, сехавшиеся из разных городов на сезон. Несколько смущенных местных любителей и просто случайно попавших в театр людей (в те годы, на сцене кого только не было), типичные актерские лица и фигуры. Среди этой группы людей — труппа была большая — выделялся всем своим обличьем молодой черноволосый человек, с матовым цветом лица и горящими глазами.

— Кто это? — спросил я помрежа.
— Герой-любовник, — ответил он, лбуясь им. — Из Нижнего приехал: в прошлом сезоне имел большой успех: Муромцева заиграл.

В тот же день вечером начались репетиции «Смерти Грозного», которой открывали сезон. «Герой-любовник» играл Годунова. Он очень много, прилежно работал над ролью, волновался. Не раз я видел его в камерке парикмахера, с которым он часами толковал о парике, не раз заставал в костюмерной, не раз встречал ночью на Привольском бульваре с толстовской трилогией в руках. Какую черту мудрого, лукавого честолюбца Бориса искал он в эти часы?..

К спектаклю готовились основательно. Было много «генералок». И по два раза в день за кулисами, в кабинете заведующего художественной частью были слышны нетерпящие возражения (ослушавшийся Сицкий не в счет!) слова Бориса:

Собором целым пасты и его ногам
И вновь молить его, да не оставит
Престола он и да поддержит Русь!

Красивого героя-любовника, приехавшего в Рыбинск из Нижнего и темпераментно, ярко игравшего Годунова, звали Ярком Родиновичем Ольховским.

После «Смерти Грозного» Ольховский играл в Рыбинске княжича Юрия в «Чародейке», Незнамова в «Без вины виноватые», Колычева в «Василисе Мелентьевой». Во всех этих ролях он был красивым, умным, талантливым исполнителем.

Играя каждый день в театре, Ольховский находил время и силы преподавать в двух студиях и почти ежедневно выступать на концертах в рабочих клубах и на предприятиях. Время было тяжелое. Юденич нажимал на красный Питер. Сердца лучших людей страны, как одно, билось в страхе за Петроград, за дорогую ценой завоеванную новую жизнь, за судьбу молодого Союза советских республик. Ольховский попевал на все собрания и митинги. Его выступления после докладов были полны силы и огня, убедительности и страсти.

На смену герою-любовнику пришел новый советский актер.

В 1921 году Ольховский вступил в группу Малого театра. Здесь первой его ролью был французский посланник в «Марии Стюарт». Затем Правдин в «Недоросле», Квазимодо в «Соборе Парижской богородицы», Говард Нокс в «Волчьих душах». Малый театр быстро зачислил Ольховского в разряд «своих». Ольховский долго не чувствовал удовлетворения от работы в Малом театре. Так продолжалось до постановки «Ивана Козыря и Татьяны Русских», положившей начало новой полосе в истории Малого театра, сильно отставившей в то время от жизни. Ольховский превосходно сыграл солдата Ивана Козыря, найдя для него новые краски и звучания, забыв о своем амплуа, увенчанном лаврами Рыбинска и Нижнего. В этапной постановке Малого театра «Любовь Яровая» Ольховский играл Ярового. Сложный образ «идейного» белогвардейца, предателя, банкрота, бесомощно барахтающегося в грязях контрреволюции, убедительно был раскрыт артистом. Следующей ролью Ольховского был Хомутов в «Огненном мосту». Эти три победы театра были одновременно и победами актера Ольховского, который только в обновленном Малом театре нашел для себя настоящую творческую атмосферу и смог развернуть свои недооцененные способности.

Когда филиал Малого театра, Театр им. Сафонова, справлял свое десятилетие, В. Р. Ольховскому, одному из активнейших работников театра-юбилея, постановлением коллегии Наркомпроса было присвоено звание заслуженного артиста республики.

Последними ролями В. Р. Ольховского были Краузе в «Войцах» и Беркутов в «Волках и овцах».

В Щепкинском фойе Малого театра полумрак — бра затянuty крепом. Среди палм на возвышении гроб с телом В. Р. Ольховского. С хор доносятся приглушенные звуки оркестра. В почетном карауле, сменяющемся каждые пять минут, стоят Демьян Бедный, зам. директора Малого театра З. Г. Дальцев, народные артисты Блюменталь-Тамарина, Массалитинова, Юрьев, Яковлев, Рафаил Адельгейм, заслуженные артисты Рыбников, Ковров. Гроб утопает в венках и букетах из живых цветов. Гражданская панихида.

— Смерть, — говорит зам. начальника УТЗП Наркомпроса М. И. Имас, — непреодолима нелепость... Молодые кадры советских актеров пойдут по пути так рано ушедшего от нас В. Р. Ольховского, который был мастером новой формации, мастером-общественником.

Сменяется последний караул. Михаил Семенович Щепкин ласково смотрит со старинного репинского портрета на уходящего из «его дома» мастера. Ольховский умел беречь щепкинские традиции и строить новый театр, утверждающий жизнь.

ВИКТОР ЭРМАНС